

Продолжаем давать сказки от Льва Афанасьевича Кожевникова. Вятский мужик, охотник, рыбак и сочинитель Афанасьич сказки сказывать любит. «Кабы моя воля, – сказал он, – я б весь альманах сказками заполонил». Мы ответили: «Ты, дорогой, пиши-пиши, авось потихонечку всё и напечатаем». Афанасьич ответил, протягивая рукопись: «Небось, сейчас вот эта вот пойдёт?» Мы прочли название: «Авось, Небось и Кабы» и ответили, не раздумывая: «Ведь на этой троице, как на трёх китах, вся Россия держится!» Потом добавили: «Раньше мы сказки знаменитого А. Н. Афанасьева читали, а теперь совершенно естественно – Афанасьича».

200

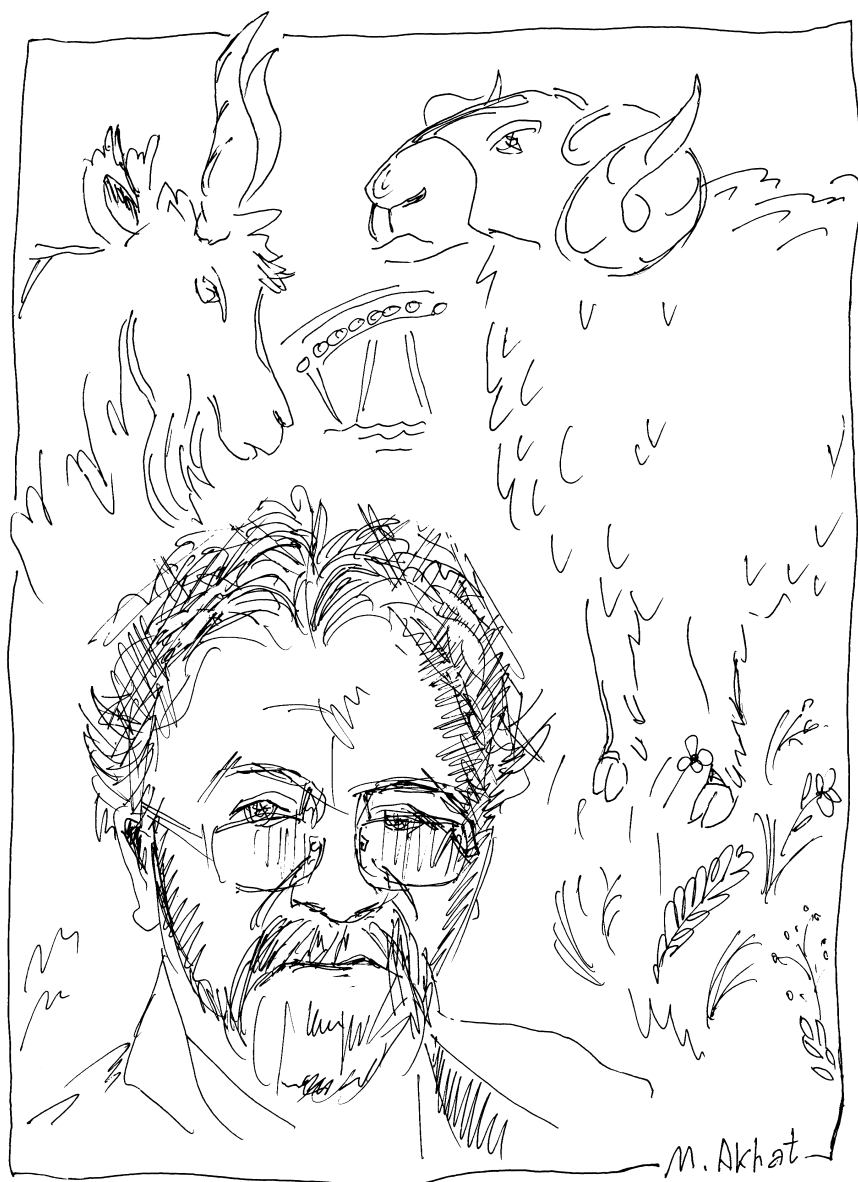
сказка

Лев Кожевников

Авось, Небось и Кабы

Жили-были на Руси
Авось, Небось и дед Кабы.
Жили пусть и небогато,
Пусть одёжка вся в заплатках,
Лапти сношены до пят,
В горшке каша из опят...
Но Отечество любили
И налоги все платили:
За избу, за дым из печи,
За корову, за овечек
И за каждую блоху,
Что пригрелась на боку,
С лысого – за лысину,
Ну, а с дедушки Кабы
Налог брали с бороды.

Вот такие пироги! Но это только присказка. Сказка будет впереди...

1

...На деревне этого мужика Авось звали. Иногда Авосий, а другой раз и вовсе Авоська. Имя не имя, может, прозвище такое, кто знает? Худо за ним не водилось, да и про хорошее, если что было когда, тоже не сразу вспомнишь. Мужик и мужик, как все. Бывало, с утра слоняется Авосий по избе. Так... без дела. Потом на подворье выйдет,

оглядится из-под руки. И идёт своего козла искать по чужим огородам. Домой затемно возвращается, пьяненький. Нашёл козла, нет – редко помнит.

Вот это у него главная забота была по жизни.

Один раз так-то ходил-бродил по деревне, козла искал. Полдня искал дикошарого, всё зря. И выбрался Авосий за околицу. Там прясло стояло тогда с покосившимися воротами. И дерево... старое, корявое. Кокоряжина, так и прозвали.

Взобрался мужик верхом на прясло. Озирается по сторонам. Вдруг, глянь: дед Кабы по дороге шарахается. Хворостина в руке... калоши на босу ногу.

– Эй, дед! Дед Кабы?! – И руками машет. – Ходи, ходи сюды, не бойся!

– Но? Чего горло дерёшь?

– Спросить хочу, не пообидься. Козла моего не видел где?

– Кабы видел, всё равно не сказал.

Смотрит Авосий: в руках у старого хворостина, горбушка хлеба в кармане. И в поскотине из-под руки чего-то высматривает.

– Дед, а, дед? Ты куды, на ночь глядя, собрался?

– Куды, куды... Корову встречать. Стадо прошло, а коровы нет как нет, – сам лысину картузом отирает.

Авосий от смеху чуть с прясла не свалился.

– Твою корову, дед, ещё по осени арестовали. За недоимки, гы-гы-гы!

Долго гыгикал. Наконец, до деда Кабы тоже дошло, куда его корова пропала. Вздыхает, даже слеза навернулась.

– Дак это... по привычке. Тьфу, ты! Башка совсем дырявая стала.

– Не-ет, дед! Тебе помирать пора, гы-гы-гы! Зажился!

Хотел было старый хворостиной его попотчевать, но тут Авоська соседа увидел: мимо идёт и барана за собой на верёвке тянет.

– Эй, Небоська! Эй, лапоть драной! Сюды ходи...

Соседа этого, будто в насмешку, Небось свали. На деревне про них так и говорили: что Авось, что Небось – один пёс.

– Но? Чего тебе? – Сам исподлобья смотрит. Они друг друга тоже не шибко жаловали.

– Козла моего не видел где?

– Откуда? Небось, твоего козла волки съели.

– Ты чё не пахано боронишь? Моего козла волки пуще огня боятся!

– Эва, загнул! Мой баран давеча твоего козла полдня вокруг избы гонял.

У Авоськи от возмущения волосы

дыбом встали. С прясла прыг и, как петух, на соседа наскочил. За грудки трясёт.

– Да ты... да я... я счас тебя!..

– Но, но, но! Только попробуй!

Тут пришла пора деду Кабы в спор вмешаться. Правда, у старого к этому делу свой интерес.

– Погодь, погодь, мужики. Я чё сказать-то хочу? Давай стравим сейчас твоего барана, Небоська, с евонным козлом. Пушай их бодаются. А который проиграет, того съедим. Я уж давненько мясного не ёдывал.

– А чего? Давай. От тушёной козлятины, небось, не откажусь.

– Бараниной не подавись! – взвизгнул Авосий.

Дед Кабы хотя и подслеповат был, но уж больно дело сурьёзное затеялось. Поозирался по сторонам и хворостиной в сторону тычет.

– Эва! Это не твой ли козёл соседу в огород забрался?

Авось тоже козла своего углядел. Лешак рогатый! Счас, дескать, я его... Тут ждите. И убежал. Но, считай, час его не было. Пока поймал, они на пару с козлом пол-огорода, поди-ко, вытоптали. Наконец, возвращаются: Авосий задом-задом, козла за рога тащит, упирается. Насилу приволок, и говорит ему:

– Вот, дурень рогатый, если этого барана не забодаешь – в котёл угодишь.

Небось тоже своего барана наставляет:

– Ну-ко, Яшка, пообломай рога козлу бородатому, а не то котлет из тебя понаделают!

Поставили мужики козла с бараном друг против дружки, да хворостиной того и другого вздрючили. И началось! Козёл мекает, баран бекает. Бодаются, да лоб в лоб... Трах-бабах! Всё яростнее, злее... С разбегу! Пыль столбом стоит. Но вот козёл начал выдавливать барана, к пряслу прижимает, да рогами так наподавывает – быку мало не покажется.

Возликовал Авосий:

– Ага, вот так-то! Беги, Небоська,

топи печку. Барана станем варить. Гы-гы-гы!

Но тут баран начал напирать, того и гляди козлиная шкура на барабан пойдёт.

– Кирдык, Авоська, твоему козлу! Воду грей иди, козла резать будем!

Бодались, бодались козёл с бараном, то один верх берёт, то другой. Хозяева вокруг побоища тоже козлами скачут, подбадривают да себя по тощим ляжкам хлопают.

– Так его... дави, дави! – орёт Авосий.

– Яшка, вдарь козлу! Ну-ко, вдарь!

– А вот шиш тебе! – взъерепенился Авосий да хватъ Небоську за грудки.

В этот самый момент козёл с бараном вдруг развернулись и разбежались в разные стороны. Кто куда! Лови их теперь.

– Ага, сбежал твой козёл! Мы победили!

– Ещё чё не скажи?! Твой баран первый сбежал!

– Глаза-то разуй, дурень. Твоего козла след давно простыл!

Схватил Небось Авосю за грудки, и давай таскать друг дружку по поскотине. Да ещё лаптями подпинавают. Но тут снова дед Кабы в спор встрял. У него свой интерес.

– Погодь, погодь, мужики. Я чего сказать-то хочу?

– Во-во! Пуцай дед рассудит, кто прав? Небось, всё видел.

Помолчал дед Кабы: пусть хозяева поостынут малость. Руками развёл.

– Дак это... ничья у них выходит. Разбежалась скотинка в разны стороны.

– И чего тогда? – Авось спрашивает.

– Дак это... никто не победил. Стало быть, в котёл их. Того и другого.

У Авосю с Небосем от такого предложения глаза на лоб полезли. У-у! Так не пойдёт. Шибко недовольные оба. Дед Кабы только рукой махнул.

– Ну, тогда промеж себя сами бодайтесь.

– Это как это, сами?

– А вот кто кого из вас забодает, у того козла будем резать. Или барана?

Ну, Авосию только того и надобно. Сам хотел предложить.

– Согласен! – кричит. – Я согласен! Авось, мозги-то тебе повышибу!

– Гляди, лоб себе не расшиби! – Небось отвечает.

Встали мужики друг против друга, как баран с козлом, и ... давай стучать. Лоб в лоб. Бодаются, теснят один другого. Да всё злее, злее. Хворостинкой понужать не надо. С разбегу бьют, не жалеючи – только искры из глаз! Потом снова разбежались, подальше. И с рёвом... Ужо тебе! Налетели лоб в лоб, но... Авоська вдруг брык! И в сторону отскочил. Не то схитрил, не то струсил, кто знает?.. Небось, бедолага, со всего маху влетел лбом прямёхонько в дерево, в самую кокоряжину. Тр-рах! Так и пал замертво.

Дед с Авоськой постояли над телом. Лбы перекрестили. А чего делать, не знают.

– Кабы, худа не вышло?

– Авось, обойдётся. Ладно, дед, айда барана резать.

– Побойся бога, Авосий! Нельзя товарища так оставить.

– Тогда потащили...

Схватил Авось лежачего за воротник. А как потащишь? Одёжа – заплатка на заплате, ветхая, трещит. За волосья взять? И волосьев на башке нету, с детства плешивой.

– За лапти разве? – засомневался дед.

А лапти тоже... труха одна. Того гляди, развалятся. Стоят мужики над телом, вздыхают. Лбы крестят.

– Кабы, на телегу перевалить можно?

– Про телегу ты хорошо придумал. А только где её взять, телегу-то?

Пока они стояли так-то, рассусоливали, Небоська завозился вдруг, застонал и – сел. Лоб щупает. Тут даже Авосий обрадовался, что соседа не на смерть зашибло.

– Ну? А я чего говорил? Авось, отлежится. Гы-гы-гы!

Правда, соседу бедолаге не до смеху. За голову держится.

– Башка трешшит... Будто поленом вдарили. Охо-хо!

2

Вдруг у мужиков за спиной вроде как голос послышался? Скрипучий, словно старое дерево на ветру.

– Глупые вы мужики. Нищоброды вятские. Глядеть противно.

От неожиданности все трое так и подскочили. Башкой туда-сюда, по сторонам крутят, переглядываются. Нет никого! Дак неужто послышалось? Скрипучий голос, старый... Кто это? Деда Кабы начали было подозревать:

– Это ты, дед, придуряешься?

– Кабы я, а то... лешак его знает!

А тут опять откуда-то заскрипело. Вроде как к ним обращается:

– Ну, ну! Сюда глядите.

Авоська первый догадался. Рукой в кокоряжину тычет.

– Ух, ты! Дерево... говорящее!

И впрямь, на дереве сквозь кору вроде как лик обозначился. И рот, то ли щель?... С глазами лик. Мужики на дерево уставились, лбы крестят. Свят! Свят! Свят!

Скрипит кокоряжина. Будто на ветру:

– Жалко мне вас, дураков вятских. Сто лет наблюдаю. Но так и быть, исполню три ваших желания.

Однако мужиков так просто на мякине не проведёшь. Ни слову не верят, переглядываются.

– Три желания?... А не сбрешешь, кокоряжина?

– Ну, кто первый?

Первый Небоська застонал. За лоб держится. Сам чуть живой.

– Башка трешшит, мочи нету. И шишку убери, болит зараза.

Заскрипело дерево. Ветками на ветру шевелит.

– Ладно, будь по-твоему.

Вскочил Небоська на ноги. Резво

вскочил. Лоб... себя ощупывает. Башкой плешивой трясёт.

– Ух ты! И впрямь полегчало. А?

Видит Авось, что товарищ продешевил. Оттолкнул его в сторону и – к кокоряжине. Сам в словах путается от нетерпения:

– А мне... а мне, это? Я хочу много-много денег найти. Целую кучу!

Дерево и этому мужику не отказывает.

– Ладно, – говорит, – будь по-твоему. Ищи. Ну, а ты, дед? Какое у тебя желание? Говори?

Дед Кабы задумался вроде как. Плечами пожимает.

– Дак какое желание? Денег мне не надобно. Всё равно за налоги отберут. Ишо в суд потащат: где взял? Ково убил? В тюрьму посадят. Не... нет у меня желанийев. Да и пожить-то мало осталось.

Дерево на эти его слова вздохнуло даже.

– Ну, так тому и быть. Хозяин – барин.

Лик на коре исчез. Рот и глаза закрылись, как не бывало. А дед Кабы ещё и ворчит. Тьфу, дескать! Барина нашёл... Вдруг Авоська как захохочет! На всю округу. Прямо-таки давится со смеху и пальцем в товарищей то в одного, то в другого тычет:

– Вот дурачки-то, гы-гы-гы! Оба! Что старый, то и лысый, гы-гы-гы! Ну, уморили... Гы-гы-гы!

Небось на него с подозрением уставился. Спрашивает:

– Это чем таким мы тебя уморили?

– Твоя шишка, Небось, к завтраму сама собой зажила бы. Как на собаке. Ты бы, дурень, лучше лошадь себе выпросил, да землицы десятины пять.

Тут Небоська крепко задумался. Репу чешет. Гм? Оно, пожалуй, что так... А Авосий тем временем на деда Кабы набросился: ты, старый, вовсе из ума выжил. Тебе, дескать, печь топить нечем. Хотя бы поленницу дров выпросил на худой конец. Старый, однако, на своём стоит:

– Мне чужого добра не надобно.

– А своего нет! Гы-гы-гы!

Дед Кабы только рукой махнул.

– Ладно, мы с Небоськой дураки. А твои деньги, умник, они где?

– И впрямь! Много-много, целая куча. Где они? – сосед подначивает.

Растерялся Авось, вокруг себя озирается, под ноги смотрит. Нет кучи, как просил. По карманам пошарил, пусто. Потом вокруг кокоряжины пару раз обошёл, мало ли? Лаптем наподдал.

– Эй, ты?! Где мои деньги? Деньги где, спрашиваю?

Снова лаптем наподдал. В ответ молчание, даже ветки на кокоряжине не шевелятся. Дед Кабы только головой качает.

– А ты вспомни, умник, чё спрашивал? Хочу, дескать, найти кучу денег, так?

– Ну?

– А оно чего тебе ответило? Эта кокоряжина? Хочешь искать – ищи.

Тут даже Небосий развеселился.

– Вот и ищи теперя, пока не погрёшь. Умник сыскался, гы-гы-гы!

Авось, когда до него дошло, с досады едва из лаптей не выпрыгнул.

– Ёшь твою! Дак оно никак изгаляетя над нами? Трухля поганая! Срубить к чёртовой бабушке!

– Сам и руби. Эдакая кокоряжина! Небось, полдня топором махать замучишься.

Подумал Авосий, покряхтел и тоже рубить отказался. Ладно, пуцай торчит покудова. Стоят мужики, вздыхают, «репу» чешут. Мда-а, дескать, упустили выгоду. Потом вовсе мечтать принялись:

– Экую мы, право, дуру сваяляли! Надо было попросить у этой кокоряжины, чтобы через всю деревню речка текла. Молочная! И с кисельными берегами чтобы.

– Во-во! И чтобы в той речке осётры плавали! Жареные, вяленые и копченые, а? Небось, про нужду и думать забыли бы.

– Я бы женился тогда. Детишек наплодил. – Авось даже глаза закатил, до того ему всё ярко представилось.

Дед Кабы опять рукой на них машет.

– Ххе! Задним умом, гляжу, вы шибко крепкие. А всё равно ни киселя вам не хлебать, ни осетрины отведать не довелось бы.

– Это почему будто?

– Ты, дед, не мудри тут. Правду сказывай, – осерчали оба на старого.

– Скажу, а чего? Как только речку у этой кокоряжины выпросите, так сразу сюды из самой Москвы людишки понаедут. Речку железным забором обнесут, всюду охрану поставят. А ваши избёнки так и вовсе спалят, чтобы вы у них под ногами не путались. А станете путаться, так оне вас живо на каторгу спроводят.

Мужики снова закручинились. Лбы крестят, вздыхают.

– Да уж... Куды ни кинь, везде клин.

– Нет! Погодь, погодь, старый! Ты чё-то не то говоришь. Молока – эка прорва, цельная речка. И киселя по берегам – на всех хватит. А ежели забор поставить, тогда как?.. Молоко скиснет, кисель, рыба стухнут. Это чего выходит? Сам не ам и другим не дам?

– Экие вы дурни, право! – удивляется дед. – Московские людишки к этой речке трубу приладят, и потечёт ваше молоко прямиком в Китай, за юани. Друга труба – в Америку, за доллары. А третья – аж в Европу, за эти... как их? За евро!

– У-у! А где это такой Китай располагается? – Авось спрашивает.

– Это тама! – Кабы рукой на восток махнул.

– А Европа где?

– Европа тама! – И на запад рукой показывает. – А про Америку ничё не знаю. Врать не стану. Шибко далеко.

– Не, погоди, погоди, дед! А нам как без молока? Мы вот они, тута?

Снова дед Кабы на земляков удивляется. Ну, не дурни ли, а?

– Ххе! Им чё там, в Москве, с нас, с дураков, взять? Ни кожи, ни рожи. И в кармане – блоха на аркане. Всё давно взято. Нет, братцы, не нужна нам эта речка. Кабы хуже того не вышло.

– Не, я на каторгу не хочу. И чтобы избу спалили...

– Не приведи, господи!

Убедил, кажись. Вздыхают мужики. Лбы глупые крестят. Вдруг Авоська спохватился:

– Дед, а в этой Москве людишки, поди-ко, так не бедствуют, а?

– В Москве-то? В этой Москве, сказывают, денег куры не клюют. Тама все улицы, все площадья сплошь ассигнациями оклеены. Не меньше сто рублёв кажная.

Небось так и охнул:

– Ух, ты! Сто рублёв! Я таких денег в руках не дёрживал.

– Народ в Москве всё гладкий да толстый. Подмётки на сапогах золотыми и серебряными гвоздями подбивают. В лаптях никто не ходит. И церквя у них из чистого золота, сказывают.

– То-то и оно! – обрадовался Авосий. – Кокоряжина как сказала? Ищи, говорит. Стало быть, надо в Москву идти. Все деньги там.

Небось, хотя и недолюбливал соседа, но тут сразу согласился.

– Ух, ты! Здорово придумал. Ежели мы с забора в Москве, с краешку, хотя пачку сотенных содерём, никто и не заметит. А мы здесь, эх, заживём! Всласть!

– Согласен, а, дед?

– Ну, ежели кокоряжина сказала, надо идти котомки собирать. Только я, робяты, с вами не пойду. Старый стал, не сдую.

– А где энта Москва располагается, дед? В какой стороне? – Авосий спрашивает.

– А вона, глянь... солнышко на запад садится. Туда вам и надобно. В аккурат в Москву попадёте. А я нет, не пойду я. Счастье, оно и на печи найдёт.

Скоро, братцы, сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дальше слушайте...

**Жили-были на Руси
Авось, Небось да дед Кабы.
То ль достала их нужда,
То ли сдуру, как всегда,**

На Москву сходить решили.

Вот такая блажь нашла...

На последние гроши

Лапти новые купили,

Насушили сухарей,

Рубль заняли у людей.

Правда, рубль тотчас пропили...

Лбы похмельны покрестили

И отправились в Москву...

Ну, а дед залёг на печь

Счастье на печи стеречь.

3

Едва начало солнце на запад клонится, вздели мужики котомки за спину и – в путь отправились. Лапти новые, в котомках, считай, один сухари, налегке ходко идут. За пару часов лесом вёрст двадцать отмахали. Даже не вспотели. И выходят они на берег какой-то речушки. Вода в речке тёмная, дна не разглядеть. А надо как-то на другой берег переправляться.

– Ух, ты! Глыбко, небось?

– До ночи не перебраться, поди? Вон солнце за лес садится.

– А может, тут на бережку заночуем?

– Не! Дорога не близкая. Эдак мы до зимы не управимся.

Закручинились мужики. «Репу» чешут, вздыхают. По сторонам смотрят. И углядел Авоська бревно, течением к берегу прибило. Обрадовался.

– Эва, бревно! Подходящее. Ежели за это бревно ухватиться, авось, переплывём.

– И то правда.

– Ты садись на бревно верхи, – Авось говорит, – как на коня. И греби. А я ишо с берегу тебя следом толкну.

– Я-то переплыву. А ты как потом?

– Дак это, обратно толкни. Пустое бревно, широко ли тут?

Сказано – сделано. Сел Небось верхом на бревно, руки, ноги в воде, и Авось как толкнёт его сзади со всей силы... Но недалеко уплыл. Как раз посередке бревно вместе с Небоськой возьми да перевернись. Выскочил Не-

бось из воды на берег, как ошпаренный, руками машет, отплёвывается.

Авось головой покачал. Вроде как укоряет.

– Вишь ты, не усидел. Не так надо было-то. Ты давай, свяжи мне ноги под бревном и толкни тогда.

– Так сразу бы и сказал. А то не усидел...

Связал Небось ноги Авосию, лапоть к лаптю, и толкнул бревно от берега. А бревно, вот дурное-то, возьми и перевернись. Что за леший?.. Глядит Небось с берега, как лапти над водой судорожно дёргаются. И диву даётся.

– Вишь ты, как? Не успел переплыть, уже лапти сушит.

По берегу походил, чё делать не знает. «Вытащить, поди? Или пуццай досушиват?»

Но спросить решил. Подтянул бревно к берегу. Узлы долго развязывал, намочки проклятые. Вынырнул Авось... ртом, как рыба, хватает. «Тьфу ты, едва не утоп!» Кое-как на берег выбрался, едва дышит. Потом снова в воду полез, котомку со дна достал.

– А тут не глыбко, кажись, – заметил Небосий. – По пояс будет, нет?

Пока Авось сухари проверял. Небось берегом в сторону отошёл.

– Эва! – кричит. – А тут и вовсе вброд! Лаптей не замочишь!

Перебрались мужики по броду на другой берег и дальше, в Москву, топтали. Ходко бегут, мокрая одежда на ходу сушится.

4

Однако ночь наступила. Звёзды на небе пшеном рассыпались. Месяц ярко светит. Пора заночевать уже. Всё равно до Москвы за ночь не добежишь. Выбрались Авось с Небось на поляну, едва ноги волочат.

– Небось, тут заночуем. Ноги сбил до мозолей.

– Лапнику наломай. Я покуда дров насобираю.

Вскоре костерок у мужиков разгорелся. Лежат оба на лапнике, сухари грызут, разговаривают.

– Тебя пошто Авось назвали? Ровно кличка у кобеля.

– Тьфу на тебя! Мои матушка с ба-тюшкой по святцам имя дали. В честь Авосия Пошехонского. Я тридцатого февраля на свет объявился. Так-то, земля. А вот твоя кличка и вовсе не знамо, откуда взялась.

– Дак это, бабка одна надвое сказывала: будто в капусте нашли. Лежишь, де, под капустным листом, большой уже. Плешивой. Табак куришь. Гадали, гадали, как назвать? Потом вовсе рукой махнули: небось, так сойдёт. С тех пор Небоськой и кличут.

Вдруг Авосий насторожился.

– Слышь?! Вроде, кто-то по лесу ходит?

– Кусты трешшат. Сюды правится...

Только сказал, из темноты с дубиной наперевес разбойник выскочил. На огонёк, видать. Сам чёрный, страшный, и бородачи до колен вся в репьях. Да как заорёт:

– Кошелёк?! Или жизнь?!

Мужики, хотя перепугались, но виду не подают. Себя по карманам хлопают.

– Дак это... нету у нас кошля.

– Но... сроду не было.

– Деньги есть, спрашиваю? Ну?!

– Дак это, три копейки осталось.

– Давай сюды! – Забрал разбойник последние деньги. Головёшку из костра выхватил, осветиться чтобы. Сам ухмыляется. – Вы чего, вятские, как будто?

Мужики руками замахали. Соглашаются вроде.

– Вятские, вятские мы!

– Хуже нищих. Чтобы завтра в моём лесу духу вашего не было!

И исчез в темноте. Авось, Небось долго вслед глаза пучили. А ну как вернётся. Что тогда?

– Ушёл, кажись? – Авось лоб перекрестил.

Небось долго думал. Потом хмыкнул.

– Ишь, ты! Деньги взять – взял, а тронуть побоялся.

Улеглись мужики на лапник, поближе к огню. И захрапели, враз. Вот как ухлопались.

...Наутро, только-только заря занялась, Авось с Небось уже на ногах. Пожитки собирают.

– Однако идти пора.

Вздели котомки на плечи и гадают, куда идти, в какую сторону.

– Туды?.. Сюды?

– Дед Кабы куды наказывал?

– За солнцем, кажись?

– Ну дак...

Лбы православные покрестили, и – в путь. Шли они шли, всё лесом да лесом. Заря алая, в полнеба разыгралась. Птицы свищут. Роса на траве – брильянтами сверкает. Короче, лепотища... слов нет! И выходят мужики на какую-то речку.

Огляделся Авось. Ворчит чего-то, хмыкает.

– Ишь ты! У них тут под Москвой все речки одинаковы.

– Нет уж, мы задницу теперя мочить не станем. Тут рядом где-то брод должен быть.

Переместился Небось пару шагов влево, рукой машет.

– Тут он, брод! Туточки... За мной шагай.

– Гляди: и бревно похожее?

– Не скажи. То бревно в другом месте лежало, где глыбко. А это, вишь, на перекате положено. Чтобы лапти не замочить. По бревну ступай.

Перебрались мужики на другой берег. Считай посуху. Радуются. Водицей в лицо себе поплескали. Помолились, само собой.

– Ладно, пошли уже. К вечеру, подико, и до Москвы дотопаем.

– Вот и Москва. Дотопали, слава богу.

Потом присмотрелись пристальнее, и что-то сомнения начали их одолевать.

– Не, наврал дед, – Небось говорит.

– Эта Москва на нашу деревню, как две капли воды, похожая.

– Но! Ни одной церкви, чтобы из золота.

– Улицы, говорит, площадь стору-блёвыми оклеены. Сбрехнул старый! Небось, за дураков нас держит!

– Гляди, гляди! – Авось товарища за рукав дёрнул. – Вон тот старик, который козла вокруг избы пасёт, так и вовсе на деда Кабы похожий?

– Дак это... погоди? Никак твой козёл-то? Ты его сам на деда оставил. Паси, дескать.

Снова мужики по сторонам башкой крутят. Удивляться не перестают. Вона знакомый плетень с кокоряжиной. И ворота эти... набекрень которы! Как проглядели?

– Это чего тогда? Наша деревня, выходит? Назад притопали?

– Вроде, всё за солнцем шли, никуда не сворачивали? Эва, такого кругалья дали!

А тут к мужикам дед Кабы подошёл. Хворостина в руке. В рожи им заглядывает.

– То-то я гляжу: знакомые вроде как? Больно скоро вы обернулись, робяты?

– Это ты, дед, наколбасил! – осерчал Авосий. – Иди, говорит, за солнцем. Москва тама, дескать.

– Но! А мы здесь. Как так?

– Погоди, погоди. Вы утром сёдни в каку сторону направились?

– Так говорю же: за солнцем! И на тебе...

– Ххы! – Смешно старому. – Дак вам на запад надо было. А вы, робяты, с утра на восток наладились. Зря только новы лапти стоптали.

Ну, чё тут скажешь. Кругом прав старый. Но надо виноватого искать.

– Это всё кокоряжина, проклятая. Вот энта! Кругами нас водит, башку морочит, – раскипятился Авосий.

Шли они шли, глянь: а впереди уже окраины московские замаячили. Полдня не прошло. Встали мужики, озираются по сторонам. Взмоклише лбы крепят. Да с поклонами.

– И впрямь! Срубить её к чертовой бабушке. И вся недолга.

Дед Кабы тоже согласен.

– А чего, рубите! У меня как раз дрова кончаются. Печь топить нечем.

Авось с Небось откладывать это дело не стали, покуда злость не прошла. Вытащили из-за пояса топоры и давай с двух сторон рубить чёртово дерево. Ухают! Охают! Пот с них ручьями льёт. Долго рубили. Наконец, со скрипом и стоном грохнулась кокоряжина наземь. Заодно ворота, набекрень которых, под себя подмяла. Зато у мужиков с души враз отпустило. Прошла злость. Небось взялся было сучья обрубить и – дупло углядел. У самой вершины. Сроду никто дупла не замечал, пока не свалили кокоряжину. Собрались мужики вокруг. Разглядывают.

– Дуплице целое! – прикинул Авось. – Ну-ко, пусти.

Засунул он в дупло голову. Потом и сам туда влез, только лапти наружу торчат. Шевелятся. Вдруг кричит оттуда... А голос глухой, как из бочки:

– Эй, ташшите меня! Тут горшок, тяжёлый!

Небось с дедом Кабы кой-как вытащили товарища наружу. В обнимку с горшком. Горшок большой, тяжёлый, да сверху ещё сургучом запечатан.

– Эва как! Не простой, видать, горшок-то.

Сургуч топором скovyрнули. Глянь: а горшок-то впрямь с золотом! Червонец к червонцу.

Стоят мужики, глаза на лбу от удивления. Переглядываются. Дед Кабы первый в себя пришёл.

– Золото... Ай-яй!

– Это всё кокоряжина! – затараторил Авоська. – Хочешь деньги – ищи, говорит. Вот они, денежки! А?.. Гы-гы-гы!

И в пляс пустился вокруг горшка. Лаптями таки кренделя выделявает, пыль столбом. Небось глядел, глядел на него и тоже давай выплясывать. По кругу вприсядку ходит. Со свистом.

Но Авосию это дело не понравилось. Шлёп соседа с маху по лысине!

– А ты чего выплясываешь? Деньги-

то мои. Твоя – это шишка на лбу. Забыл, что ли?

Небось враз на него озлился.

– А кто тебя кокоряжину надоумил срубить? Кто дупло с золотом первый нашёл?

– А кто горшок из дупла вытащил?

– Да мы с дедом Кабы на пару тебя оттуда тащили. А то там и остался бы. С горшком в обнимку.

Под эти препирательства то один, то другой толкнёт. Лаптями давай подпирать. Потом и вовсе в драку полезли. Тут пришла пора деду Кабы вмешаться.

– Погоди, погоди, робяты! Тут золота вам ни в жисть ни пропить, ни проесть. Я другое сказать хочу. Это золото не само на дереве выросло. Его туда положили.

– И кто будто бы? – Авось исподлобья, сердито на деда глядит.

– А разбойник один, по имени Кудеяр. Слухи такие давно ходят. Сказывают, придёт скоро за своим кладом.

Авось с Небось как вспомнили давешнего разбойника, так их потом враз прошибло.

– Да что это, как тогда? Чего делать-то?

Дед задумался. Потом говорит:

– Золото перепрятать надо. Но сперва поделите поровну, чтобы без обиды. Когда Кудеяр придёт и спрашивать станет, тогда ни один из вас не проговорится. На соседа пальцем не покажет.

– Здорово придумал! – обрадовался Авосий. – Давай, дед, на троих поделим. Чтобы без обиды было, и каждый сам свою долю спрячет.

– Нет, робяты. Мне чужого не надо, не возьму я.

Переглянулись мужики. Пальцем у виска покрутили: совсем, дескать, старый из ума выжил. Ну, да бог с ним, на двоих больше достанется. Поделили они золото на две половины и разбежались каждый со своей долей. Один налево, другой направо. Дед Кабы сел на кокоряжину, головой качает. «Охо-хо! Чудны дела твои, Господи». Потом задремал.

...Первым Авось объявился. К деду на кокоряжину подсел.

– Всё, дед. В лесу закопал, под ёлкой. Ни один Кудеяр не сыщёт.

А тут и Небось с лопатой в руке явился не запылится.

– Я под осину зарыл. Ни одна собака не найдёт.

Дед Кабы покивал, потом спрашивает:

– Вы, робяты, на карман хотя оставили себе? Мало ли, в кабаке винца выпить. Рупь денег займовали, отдать бы надо.

Авось себя по лбу хлоп. «Вот башка-то дырявая! Забыл напрочь».

– И я! – Небосий вторит.

Снова разбежались мужики. Один направо, другой налево. Дед Кабы тоже поднялся.

– Ладно, и я пойду. Зря печка стынет.

6

Народ деревенский не порядку не терпит. Собрали мужики помочь и ворота за деревней заново поставили. Правда, новые-то они новые, но всё одно набекрень стоят.

Прошла неделя, другая...

Сидит как-то Авось на кокоряжине, понурый вроде. Шапка на затылок съехала. Лопата рядом. Глянь: а из лесу, из осинника, Небось выходит. Тоже с лопатой, за собой за черен волочит. Увидел соседа, и рядом подсел на кокоряжину. Молчат оба, вздыхают. Потом Авосий спрашивает:

– Ну, нашёл?

Небось плешивой башкой крутит.

– Вторую неделю копаю. Этих осин

в лесу – немеряно. Куды зарыл, хоть убей, не помню.

– И я... э-э! Тьфу! – рукой махнул.

– А всё кокоряжина чёртова!

Вскочил Небось, как ужаленный, да лаптём проклятую кокоряжину давай пинать. Пинал, пинал, пока вовсе ногу себе не зашиб.

– Слышь? – Авосий говорит. – Давай испилим её на дрова? Чтобы башку нам не морочила.

– Но! Пушай дед эту заразу в печи спалит! Небось, её вина!

Подобрали мужики лопаты и по домам разошлись. Сердитые.

Правда, кокоряжина эта, чёртова, по сию пору там лежит. Никак руки до неё не доходят...

Тут и сказке конец, одна присказка осталась:

**Жили-были на Руси
Авось, Небось да дед Кабы.
Дураки не дураки?
Но Отечество любили
И налоги здесь платили
За избу, за дым из печи,
За корову, за овечку
И за каждую блоху
Под заплатой на боку.
А когда Отчизне худо,
И последнюю козу
На верёвку и – в казну.
Аты-баты, шли в солдаты,
Аты-баты, на войну.
С шапками на пулемёты
Деревенская пехота
Погибала за Москву...
Слава, слава Дураку!!!
А потом опять налоги,
Недоимки да остроги,
Лапти стёртые до пят,
И одежда из заплат...**

**Как Земля на трёх китах,
Русь стоит на дураках!**